

Содержание

Предисловие ко второму изданию	7
Введение	II
Судья и историк	15
Post scriptum	122
Послесловие	169
Хронология	180
Послесловие к русскому изданию	186
Именной указатель	202

Введение

Я пишу эти строки по двум причинам. Первая из них личная. Я знаю Адриано Соффри больше тридцати лет. Это один из самых близких моих друзей. Летом 1988 г. его обвинили в том, что он подстрекал одного человека убить другого. Я абсолютно уверен в необоснованности этого обвинения. Суд Милана пришел к иному выводу. 2 мая 1990 г. он осудил Адриано Соффри (вместе с Джорджо Пьетростефани и Овидио Бомпрессе) на двадцать два года тюрьмы, а Леонардо Марино (обвинявшего Соффри, Пьетростефани и Бомпрессе) — на одиннадцать лет: первых двух как заказчиков, остальных соответственно как исполнителя и соучастника убийства комиссара полиции Луиджи Калабрези, совершенного в Милане 17 мая 1972 г.

В соответствии с итальянскими законами каждый обвиняемый непременно считается невиновным до вынесения окончательного приговора. Однако в начале процесса в суде первой инстанции обвиняемый Адриано Соффри публично объявил, что в любом случае не воспользуется своим правом на апелляцию. В числе прочих я сразу же начал сомневаться в уместности такого решения, но, конечно, не в чистоте помыслов принявшего его человека. В последние годы в Италии приговоры по политическим процессам и по делам о преступлениях мафии, вынесенные судом первой инстанции, часто (даже очень часто) отменялись в Апелляционном или Кассационном суде. Заранее отказавшись от апелляции, Соффри хотел избавить себя от возможного отложенного оправдания. Такой исход казался ему, прав он в этом или нет, менее полным, менее прозрачным — почти омраченным тенью. Кое-кто посчитал его выбор незаконным давлением на занятых в процессе судей. Напротив, те, кто был знаком с Соффри,

узнали одну из черт его характера: он высокого мнения о себе, что в данном случае неразрывно связано с уверенностью в собственной невинности и с нетерпимостью к компромиссам. Отказавшись от апелляции, он не сможет лично защищать себя на суде второй инстанции.

Я пишу накануне этого процесса, и меня охватывает отчаяние из-за несправедливого приговора, постигшего моего друга. Кроме того, мной движет желание убедить остальных в его невинности. Впрочем, форма этой книги (далекая от свидетельствования, как можно будет убедиться ниже) выбрана совсем по другим соображениям. И здесь я перехожу ко второй из причин, о которых я сказал прежде.

Документы миланского процесса и предшествовавшего ему следствия регулярно наводили меня на мысль о запутанных и неоднозначных связях между судьей и историком. Уже много лет я размышляю на эту тему. В ряде статей я попытался исследовать методологические и (в широком плане) политические смыслы целой серии общих для обеих профессий элементов: улик, доказательств, свидетельств¹. Более глубокое сопоставление казалось мне в тот момент неизбежным. Оно вписывается в долгую традицию: само название (впрочем, предсказуемое) моей небольшой книги воспроизводит, как я обнаружил, пока писал ее, заглавие статьи, опубликованной Пьеро

1. См.: *Ginzburg C. Spie. Radici di un paradigma indiziario* (1979) // *Ginzburg C. Miti emblemici spie*. 3 ed. Torino: Einaudi, 2000 (рус. перевод: *Гинзбург К. Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы: Морфология и история / Пер. с ит. С.Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2004. С. 189–241*); мое предисловие к книге: *Burke P. Cultura popolare nell'Europa moderna*. Milano: Mondadori, 1980. P. XIV–XV; *Ginzburg C. Prove e possibilità // Zemon Davis N. Il ritorno di Martin Guerre*. Torino: Einaudi, 1984. P. 131–154, в особенности P. 151, примечание 7; *Idem. Montrer et citer // Le Débat*. № 56 (1989). P. 43–54; *Idem. L'inquisitore come antropologo // Studi in onore di Armando Saitta dei suoi allievi pisani / A cura di R. Pozzi e A. Prosperi*. Pisa: Giardini, 1989. P. 23–33; *Idem. Just One Witness // Probing the Limits of Representation: Nazism and the «Final Solution» / Ed. by S. Friedlander*. Cambridge; London: Harvard University Press, 1992. P. 82–97; *Idem. Unus testis. Lo sterminio degli Ebrei e il principio de realtà // Quaderni storici*. Vol. 80 (1992). P. 529–548.

Каламандреи в 1939 г.¹ Впрочем, всегда непростой диалог между историками и судьями сегодня обрел принципиальную значимость и для первых, и для вторых. Я попытаюсь объяснить, почему это произошло, отталкиваясь от конкретного случая, который по уже названным причинам особенно близко меня коснулся.

Мотивировки приговора были объявлены с огромным опозданием 12 января 1991 г. Им посвящена вторая часть книги. Я предпочел сохранить границу между двумя разделами по соображениям, которые я объясню ниже.

Лос-Анджелес, февраль 1991 г.

Я благодарю Паоло Кариньяни, Луиджи Феррайоли и Адриано Проспери за их замечания.

1. *Calamandrei P.* Il giudice e lo storico // *Rivista di diritto processuale civile*. Vol. XVII (1939). P. 105–128. Каламандреи отталкивался от работы: *Calogero G.* La logica del giudice e il suo controllo in Cassazione. Padova: CEDAM, 1937.